

Я развёл руки в тёплом приветственном жесте, надеясь, что всплеск адреналина не проявился. — Спасибо всем за присутствие на этой скромной коронации. Переход власти может быть трудным. Мой дражайший отец может лично подтвердить это. — Раздался нервный смех. Свет, направленный на это место на сцене, был настолько ярким, что лица собравшихся были заменены едва различимыми безликими розовыми кругами.

— Не могу передать, как удобно, что все вы собрались в одном месте. Тем не менее такие мероприятия могут быть тяжелыми. Помогает справиться с этим лишь то, что я воспринимаю все это как вечеринку: стоять заставляют слишком долго, спиртное иссякает раньше, чем нужно, а какая-то сволочь болтает о всяких вещах, которые якобы должны волновать. — Я сделал паузу для смеха, и он раздался, гораздо менее нервный, нежели раньше. — Увы, как бы мы все ни хотели перейти к веселью, оно наступит позже. Есть дела, которые необходимо решить. Обстоятельства требуют этого. Жертвоприношение.

Я подражал нудному тону архиепископа, и его лицо нахмурилось. — Король Сераф завещал золотое кольцо, поклявшись, что не возьмет ни одной жены, пока будет носить корону. Уайтфолл процветал. Король Тайлиен Мудрый отдал свой кинжал, прекрасный кусок стали Чайя, но самое главное — подарок своего давно умершего деда. Уайтфолл процветал. Мой отец. — Я сделал величественный жест в его сторону. — В своей безграничной мудрости он отказался от клинка завоевателя, поклявшись оставить насилие ради мира. И Уайтфолл процветал. — Они заплодировали, скорее всего, не столько от облегчения, что он больше не король, сколько от уважения.

— И вот, в столь уважаемой компании, выбор теперь предстоит сделать мне. Это немалое давление. Я понятия не имел, что выбрать. Сначала я просмотрел свою коллекцию, ища предмет наивысшей ценности. Но потом наша прекраснейшая королева Женевьева дала мне совет. — Я указал на свою мачеху, и ее глаза расплылись в добродушной улыбке. — Моя дражайшая матушка посоветовала мне, что материальная ценность пожертвования вторична. Это должно быть что-то, о чем я глубоко забочусь. Что-то, что будет разрывать мое сердце, когда я брошу это в огонь. — Проходили недели. Я размышлял, пил и искал в глубине своей души, пока наконец не нашел ответ. Не — что, а — кого.

В зале раздались тихие возгласы замешательства и зарождения тревоги. Я доброжелательно протянул к ним руку. — Успокойтесь. Сегодня никто не будет брошен в костер. Это... метафора.

Тем не менее нервная энергия сохранялась. Я говорил гораздо дольше, чем положено для этого этапа церемонии, и буду говорить еще долго. Они начали ощущать, будто молот завис в воздухе, готовый обрушиться на них.

Я покачал головой и сцепил руки на талии, пытаясь изобразить раскаяние.

— Чтобы сделать это, необходимо возместить ущерб и признать свою вину. Я совершил ошибку. Мои отец и мать предпочли бы, если бы я скрыл это от вас, но так король не должен начинать свое правление. Видите ли, милорды и леди, я совершил невыразимое. Хуже, чем кража. Хуже, чем кровосмешение, хотя, — я бросил взгляд влево на барона Аргоса и его жену, оба удивительно похожи лицом, и позволил себе ухмыльнуться. — Некоторые утверждают, что

среди знати это не столько грех, сколько неизбежность. — На этот раз они не засмеялись. Барон Аргос надулся и уже собирался ответить, что было бы большим промахом, но я захлопнул ловушку раньше, чем он успел.

— Хуже, чем убийство.

Я повернулся к отцу и, впервые в жизни, позволил ему увидеть всю глубину моей ненависти. Его лицо было ближе к багровому, чем к красному, а его массивные руки вцепились в нижнюю часть сиденья. Он убьет меня за это, в этом не было сомнений. Но меня это больше не волновало.

— Я влюбился. Это был мой грех.

Это был торжественный момент. Никто не говорил, пока все не заговорили, волна шепота вырвалась наружу так коллективно громко, что больше не напоминала подобие тишины. Краем глаза я заметил Аннет, приложившую руку ко лбу. Я не мог заставить себя посмотреть, но услышал, как плачет моя мачеха. Гнев и горечь едва не захлестнули меня тогда. Может быть, она и не приложила к этому руку напрямую, но она точно потворствовала этому.

Каким-то образом я сдержал себя и не набросился на нее. Вместо этого я искал в толпе конкретное лицо, пока не увидел его в последнем ряду. Я дважды хлопнул в ладоши. Шепот прекратился.

— Бард! — позвал я и помахал ему рукой. Все взгляды обратились к заднему ряду, где сидел бард, которого я встретил в таверне, бард переводил взгляд с меня на дверь, лицо исказилось от ужаса, он раздумывал, не сбежать ли ему. Он бросил еще один взгляд в сторону стражников и, похоже, пришел к выводу, что далеко ему не уйти. Он встал, футляр с инструментом болтался у него за спиной.

Бард деликатно прочистил горло. — Д-да, милорд?

— Идем. — Я сделал размашистое движение влево. — Мне нужен аккомпанемент.

Шепот перешел в ропот праведного негодования. Бард в последний раз посмотрел в сторону выхода, словно прощаясь с умирающим другом, а затем начал долгий путь по коридору к сцене. Придя, он опустился на колени рядом со мной, чтобы открыть футляр. Распаковав вещи, он заговорил, едва ли достаточно громко, чтобы я услышал.

— Вы будете петь? — спросил бард, стараясь, чтобы его голос не дрожал.

— Нет. Рассказывать.

— Тогда аккомпанемент. Есть ли у вас предпочтительная последовательность аккордов?

— Все, что считаешь подходящим.

— Милорд, — сказал бард сквозь стиснутые зубы, — кто-нибудь когда-нибудь давал вам понять, что вы — отъявленный мудак?

Бард играл на струнах позади меня, а я рассказывал им ее историю. По правде говоря, я заговорил о ней, потому что это была та история, которую я боялся рассказывать в одиночку. Без музыки было бы слишком много моментов тишины и размышлений. Это было похоже на попытку рассказать историю о небе. С чего начать? Как описать истинную красоту тем, чье представление поддельное, полученное из предметов, которыми они владеют, рассчитанное по объему их богатств. Это невыполнимая задача. Поэтому я мог только попытаться, зная, что неизбежно потерплю неудачу.

Я рассказал им историю Лилиан Грей. Сначала слова давались с трудом. Я сдерживал их в себе на протяжении большей части двух лет. Если бы вы спросили о начале моей истории, истинном начале той большой истории, которую я сейчас рассказываю, считаю, что все началось с нее.

Лилиан нашла меня спотыкающимся на Гретна-авеню. Я выглядел не лучшим образом: пошатывался, был контужен, весь в грязи, со лба стекала кровь, как у зарезанной свиньи. Позже она рассказала мне, что кровь стекала по лбу и попадала в левый глаз, окрашивая склеру в адский розовый цвет. Бедная девушка подумала, что у меня чума.

На самом деле у меня было сочетание пьянства и нарушения общественного порядка с неподобающей поношенностью верхней одежды, что, конечно, привело к ограблению.

Кто посмел бы ограбить принца, спросите вы? Это было еще до того, как мои родители бросили попытки обуздать мои пороки, и поэтому напиться как следует было трудоемкой задачей. Нужно было купить одежду, в которой я мог бы сойти за простолюдина, избавиться от своего оруженосца, избежать стражников, убедить кухарку, с которой имел привычку спать, пропустить меня через вход для слуг — обычно с обещанием потом переспать, а затем пройти неизвестное, но всегда значительное расстояние между мной и замком, прежде чем мое отсутствие заметят.

Как я уже сказал, это было делом нелегким.

Тот обитатель верхнего города, который перерезал мой кошелек, потрудился ударить меня по голове несколько десятков раз больше, чем это было необходимо. Я обнаружил, что брожу по верхнему городу в тумане. Голова раскалывалась, память была затуманена, и каждый раз, когда я думал, что иду в правильном направлении, я обнаруживал, что вместо этого хожу по кругу.

Я не помню, чтобы разговаривал с ней или даже видел ее. Все, что помню, это маленькие руки, нежно схватившие за руку, ведущие по улицам, через бесчисленные повороты налево и направо, поддерживающие меня, когда я спотыкался. Я помню ее голос, нежный ободряющий шепот, подавляющий страх в моем нутре. Мои травмы были серьезными, это было очевидно, но

я не мог заставить себя бояться. Голос направлял меня. Почему-то я никогда в этом не сомневался.

Спиральные повороты уводили меня все дальше и дальше, пока запах мочи, отбросов и рвоты не пересилил пряный аромат свеже сваренного лекарства. На ничем не примечательном здании красовалась болтающаяся вывеска: Аптека Грея, улыбающееся лицо, вырезанное на дереве рядом с более традиционным гравированным шрифтом.

Голова раскалывалась. Хотелось лечь и заснуть. До этого момента я не замечал, как устал, и все, о чем мог думать, — это сон. Но этому не суждено было случиться. Она провела меня по заднему двору и завела внутрь, уложила и положила прохладную ткань мне на голову.

Только тогда я увидел ее. По-настоящему увидел. Если бы вы увидели, как ее изображают художники, вы бы не сочли ее красивой. Светлые волосы, но на деле они были ближе к коричневому от пыли и пота. Нос пуговкой, который когда-то был сломан, о чем рассказывала горизонтальная розовая полоска на коже медово-коричневого цвета. Веснушек было больше, чем я мог сосчитать, а я старался. Глубокие карие шоколадные глаза, в которых было поровну доброты и ума. Конечно, это лишь части целого. Вы не можете оценить ее сущность только по фотографии, вы должны видеть картину в движении.

Лилиан лечила меня с точностью хирурга. Икупала меня. Проверяла мои зрачки. По утрам и вечерам она кормила меня, в основном хлебом, с кусочками мяса и овощей, которые доставала из многочисленных карманов своего фартука. Я видел ее отца всего несколько раз, веселого, коренастого мужчину, чьи улыбающиеся губы сжимались в раздражении каждый раз, когда он проходил мимо меня в ее комнате, за что я вряд ли мог его винить. Учитывая это, а также то, как Лилиан обращалась с больными, у меня было сильное ощущение, что я не первый бродяга, подобранный ею на улице.

Мне было трудно говорить. Человек, ограбивший меня, пытался довести дело до конца, душил меня до потери сознания, причиняя боль горлу и голосовым связкам. Того гравия, который вы слышите в моем голосе сейчас, не было до того, как я оказался в переулке. Тем не менее Лилиан разговаривала со мной, несмотря на то, что я, то приходил в себя, то терял сознание. Она называла меня своим Тристаном, в честь красивого придворного шута, который насмеялся над Королем Илладом и украл его жену. Я решил воспринимать это как комплимент моей внешности, а не как намек на то, что я на самом деле клоун.

Никто никогда не заботился обо мне так бескорыстно. Не зная, кто я, не замышляя и не рассчитывая на что-то взамен. Через пару дней я достаточно поправился, чтобы помогать в аптеке, но не настолько, чтобы говорить. Аптека Грея была на удивление оживленным заведением, и им требовалась любая помощь. Даже дворяне присылали гонцов за заказами, что было редкостью для верхнего города. Эти три дня были похожи на ускоренный курс подготовки. Какие растения, растущие на окраине леса, были полезны. Как приготовить алхимическую настойку или порошок. И все же это не было даже малой частью того, что нужно знать о создании лекарств.

Отец Лилиан, Гюнтер, стал относиться ко мне гораздо дружелюбнее, как только я зарекомендовал себя как нечто большее, чем просто ненужная трата его ресурсов.

По мере того как я помогал в аптеке и начал вести небольшие разговоры, хотя и вскользь, чтобы не навредить своему голосу, доброта Лилиан стала перерастать в нечто большее. Она использовала любой повод, чтобы прикоснуться ко мне: массировала мне руки в конце долгого дня, слегка касалась меня в тесном пространстве кухни.

Похоже, Лилиан понимала, что я не хочу говорить о своей жизни до встречи с ней, и держалась от этой темы подальше, но за ее пределами не было ничего запретного. Мы могли долго говорить по ночам обо всем и ни о чем. Лилиан была невероятно образованна для простолюдинки, благодаря собственному стремлению и тому, что владелец книжной лавки неподалеку позволил ей использовать его заведение в качестве библиотеки в обмен на ежемесячную мазь для мужских ног.

Это было слишком хорошо, чтобы длиться вечно. Я знал это. Но это не помешало концу наступить слишком быстро. Мы объезжали в ее повозке местные магазины, когда мужчина, одетый слишком хорошо для верхнего края, остановился на своем пути и назвал мое имя. Мое настоящее имя. Я быстро пришел в себя, но Лилиан уловила мой мгновенный шок. Она молчала до конца дня. Вечером пришли солдаты, чтобы забрать меня во дворец.

Все было кончено.

Через месяц я вернулся в аптеку со свитой и каретой. Гюнтер и Лилиан вышли из аптеки со сдержанным поклоном, несомненно, все еще злясь на меня и раздраженные тем, что я только что распугал утренних клиентов. Я подозвал слугу с мешком золотых прутьев, подсчитав, сколько бы я заплатил за месяц пребывания в дорогом трактире, а для Лилиан принес книги из королевской библиотеки. Ее глаза засветились, затем сразу же потускнели, когда она посмотрела на отца. Наконец, Гюнтер улыбнулся своей веселой улыбкой, и Лилиан побежала ко мне — остановившись в нескольких дюймах от меня, осознав, что наши обстоятельства изменились. Она была бедной, а я нет. Она была грязной, а я нет.

Мне было все равно. Я обнял ее.

В течение многих лет я тайно ухаживал за ней. Купил ей и ее отцу дом на границе между Верхним склоном и всем остальным. Помогал в аптеке, когда мог отлучиться на день.

Мы ездили на пикники за черту города, которые перерастали в поездки на выходные в соседний город. Я нанял для нее учителей по этикету, танцам и музыке. По правде говоря, я намеревался представить ее как благородную особу из далекой страны. Я не хотел, чтобы она была любовницей. Я хотел видеть ее королевой.

И какой бы она была королевой!

Бард заиграл минорный аккорд, полный грусти и тоски, и у меня сжалось в груди. Привести барда было наполовину шуткой, наполовину полетом фантазии. Но он был слишком хорош в своем деле, и это дало свои плоды.

Я похоронил его.

Весь зал сидел на своих местах, словно под действием заклинания. У меня не было никаких иллюзий. Им не было дела ни до моей боли, ни до меня. Их интересовали сплетни. Кронпринц встречается с простолюдинкой. Какой скандал.

— Мой король. Снисходительный монотонный голос Таддеуса пробудил меня от печали. Он подошел к помосту, протянув одну руку. — Я понимаю, что это трудно. Но сейчас не время...

— Молчать! — крикнул я, схватившись обеими руками за пюпитр. В толпе раздалось более чем несколько возгласов. — Ты не можешь прекратить это сейчас, шпион. Не тогда, когда будешь играть главную роль в следующем акте.

— Пожалуйста, милорд, — сказал Таддеус. Мне показалось, что он умолял. Это был впервые, когда я услышал, как он умоляет.

— Сядь, Таддеус. Или моим первым приказом как короля будет снести твою голову с плеч. —

Сказал я. Это не было шуткой. В этот момент достаточно было одного толчка, и голова Таддеуса покатилась бы вниз. Он, казалось, почувствовал это и отступил назад с сердечным поклоном.

Я повернулся к зрителям, и Бард взял еще один минорный аккорд.

— Итак. На чем мы остановились?

Мы думали, что были осторожны. Что никто за пределами моего окружения не знает. Что все мои слуги были верны — и, что еще важнее, что каждый, кто встретит Лилиан, полюбит ее так же, как я.

Мы ошибались. Оказалось, что мы были всего лишь детьми, играющими в шпионаж и не знающими о настоящих чудовищах, скрывающихся в темноте. Таддеус знал о Лилиан, о том, что она значила для меня. Он знал все это время. Но он не сказал об этом Доброму Королю Гилу, так как мне было всего девятнадцать лет, а до короны было еще далеко.

Я до сих пор помню утро, когда Лилиан выбежала к карете, ее щеки покраснелись, чтобы сообщить мне новость. Она была беременна.

После этого все изменилось.

Часть меня умерла в то утро. Все началось как обычно. Мы устроили пикник за стенами, хотя все было немного иначе, чем обычно. Никакого вина. Никакой рыбы. Она сильнее прислонилась ко мне, почти прижалась ко мне. Испуганная, но слишком смелая, чтобы показать это. Я обнимал ее и кормил виноградом, пока мы наслаждались обществом друг

друга.

Может быть, Перси для девочки? Нет, конечно, нет, Перси — это имя для мальчика. А как насчет Кэтрин для девочки? Слишком снобистское. Брунгильда, сокращенное до Хильды? Хильда — это хорошо. Величественная. Добрая.

Наш мирный процесс наречения был прерван засадой. Стражники были там, подняли нас и раздели. Они были в черных доспехах. Личная свита моего отца. Все было так хорошо исполнено, что план, должно быть, разрабатывался уже давно. Я пытался бороться, но они навалились на меня, лишив возможности двигаться.

В последний раз я видел Лилиан, когда ее тащили за волосы ко второй повозке. Как бы я ни был растерян, в этой сцене была какая-то завершенность, от которой я не мог отмахнуться. Я схватился за ножны одного из охранников. Меч наполовину вышел из ножен, прежде чем охранник поднял свой бронированный кулак и уложил меня на землю.

Таддеус был рядом, когда я очнулся. Такой искренний. Такой сожалеющий. Со всем притворным сочувствием в мире он сидел у моей постели и рассказывал о том, что произошло. Мой отец узнал о моем увлечении простолюдинкой. Он действительно назвал это так — «увлечение». Он сделал вид, что сочувствует, и сообщил мне, что, как это ни трагично, Лилиан и Гюнтера переселяют в город, расположенный далеко от Уайтфолла. Что у моего бастарда будет простая, но счастливая жизнь. Вдали от меня. Все это было сказано с любезной точки зрения стороннего наблюдателя. Как будто его рука не была причастна к этому на каждом этапе.

Теперь это была гонка со временем. Я должен был найти ее. Я не хотел быть похожим на своего отца, который порождал бастардов и изгонял их на край земли.

Заплатил охраннику столько, что ему хватило бы на несколько отставных, чтобы он сказал мне, куда они направляются. Миллвуд. Какой-то захолустный городишко далеко на юге. Я использовал свои связи среди простолюдинов, чтобы купить приличную лошадь и нанять следопыта, оставаясь вне поля зрения шпионов. Лошадь не стоила того золотого прута, которым я за нее заплатил. А вот следопыт стоил вдвое больше. Ко второй ночи тяжелой езды мы вышли на след повозки.

На третью ночь мы подошли к концу тропы. Повозки, люди и лошади исчезли. Никаких следов, ведущих в лес или куда-то еще. Они просто исчезли.

Я посмотрел на зрителей. Там были все ожидаемые реакции, возмущение, раздражение. Но, к моему удивлению, хоть и редко, но встречалось и сочувствие. Однако я не мог утешиться этим. Моя печаль переросла в нечто гораздо худшее.

Я повернулся к отцу, медленно, драматично. Его лицо было словно высечено из камня. — Я провел несколько дней, расспрашивая следопыта. Выслушивал другие мнения. Говорил с экспертами о том, какое животное могло напасть на караван и не оставить следов.

Потребовалось слишком много времени, чтобы понять, что это был ты.

Из толпы раздался возглас удивления. Мой отец ничего не сказал. Он уже решил, что убьет меня. Ущерб был нанесен. Теперь он просто выжидал момент.

— Помнишь историю, которую ты рассказывал, отец? О том, как ты победил людей-ящериц? Давай посмотрим, если я правильно помню: они согласились сдаться, если ты оставишь в живых их королевскую семью. Ты согласился, при условии, что они будут жить в столице как вассалы. Затем, как только их дом был занят, а их оборонительные сооружения разрушены, вы повели эту маленькую чешуйчатую королевскую семью по дороге, прямо с глаз долой, и зарезали их. Видимость милосердия была важна, сказал ты, гордясь своей сообразительностью. Мне пришло в голову: если целая семья была казнена за то, что осмелилась защитить свой дом, то что бы ты сделал с той, кто теоретически действительно представлял угрозу твоему трону?

— Ты... позорище. — Сказал мой отец.

— Лучше я буду позором, чем твоим потомком. — Я огрызнулся в ответ. — Но это создает проблему. Как мне вообще отомстить? Я был в тупике. Потом мне пришла в голову идея. Ты забрал у меня то, что я любил больше всего. Ты, конечно, дорожишь своей жизнью, но есть кое-что, что ты любишь больше. — Я покрутил корону между пальцами, безумно улыбаясь, а затем снова обратился к толпе.

— Но я отвлекаюсь. Мы говорили о моей жертве. Очевидно, что это не может быть Лилиан Грей, так как благодаря моему отцу ее больше нет. Поэтому я исследовал свой разум и свое сердце и пришел к одному жизненно важному, окончательному откровению.

Я сделал паузу, наслаждаясь напряжением в комнате, прежде чем нанести последний удар.

— Мне плевать. — Теперь я кричал. Ропот неодобрения и гнева. — Ни единого, вонючего, собачьего дерьма. Я ненавижу свою семью. Мне плевать на моих подхалимов, софистов, вкрадчивых друзей, и уж точно, черт побери, мне плевать на всех вас. Если мне придется слушать, как еще один благородный шепчет мне на ухо сладкие пустяки в тщетной попытке насильно добиться моей благосклонности, я могу просто сбросить себя с небес. Все ваши мелкие проблемы. Горы вялых ссор и обид на сверстников. Это отвратительно. Вы все не стоите ни моих усилий, ни моего времени.

— Они ваши подданные! Ваши люди! — Тысячи голов повернулись, когда Сера направилась по проходу к помосту.

— Слава богам за тебя, сестра, я уже устал говорить сам с собой.

— Зачем вы это делаете? — спросила Сера. Она слегка повысила голос, тонко проецируя его, чтобы зал мог слышать.

— Лучше спросить. Зачем это тебе? — Я указал на толпу, изображая свое отвращение. — Они ненавидят тебя за твою магию, хотя она защищает их. Слышал, как они называли тебя получеловеческим отродьем. Они даже шутят, что мужчина никогда не будет любить тебя больше, нежели бояться. Зачем вообще выступать в их защиту? — В зале было немало виноватых взглядов, подтверждающих истинность моих слов.

Моя сестра медленно оглядела комнату, выглядя великолепно раненной, прежде чем склонить голову. — Слухи и сплетни не имеют значения, Кэрн. Это мой народ. Я буду служить им, несмотря ни на что. — Она подняла голову и с вызовом посмотрела на меня. — Но каким королем вы можете надеяться стать, если так ненавидите их? — Головы подпрыгивали туда-сюда между нами двумя. Уголком глаза я заметил, как Таддеус выпрямился на своем месте, шокированный рот превратился в лукавую улыбку. Итак, он наконец-то понял это. Я вряд ли мог винить его. Сера играла просто мастерски.

— Да, принцесса. Действительно, почему? Я не могу выносить их вид. Их пухлые тела, их медлительные и предвзятые умы, их плохо соблюдаемую гигиену. Вопрос меня также поразил.

— И что? Почему вы должны быть королем? — спросила Сера.

— Мой ответ? Я не должен.

Толпа взревела, сотни людей вскочили на ноги от возмущения. Стражники начали активно контролировать толпу. Моя мать бросилась со сцены, закрыв лицо руками. Рука моего отца лежала на мече, его тело было в напряжении, готовое поразить меня в секунду отречения.

Время пришло. Я подождал, пока не будет восстановлено некое подобие порядка, чтобы продолжить.

— И все же, — наконец сказал я, — для короля Уайтфолла отказаться от жертвоприношения — это безрассудная жестокость. Мы все знаем историю короля Хесса, который пренебрег жертвоприношением и принес в страну разруху и голод. Если бы я действительно ненавидел вас всех, я мог бы поступить именно так. Но дело в том, что я не ненавижу большинство из вас, милорды, кроме небольшого числа, которых я ненавижу всем сердцем. — Я бросаю многозначительный взгляд в сторону Таддеуса. — Точнее было бы сказать, что я вообще о вас не думаю. Поэтому, за неимением лучшего варианта, я посвящу свое желание единственному человеку здесь, которого я действительно могу терпеть.

Это была идея, которую я вынашивал уже почти два года, с тех пор как у меня забрали Лилиан. Главный удар.

Я ухмыльнулся, как безумец, и снял корону со своей головы.

Затем бросил ее в жертвенный костер.

Она мгновенно сгорела. Я закричал над беснующейся толпой, мой голос наполнил комнату, и загадал желание. Желание, которое многие короли использовали во имя всеобщего блага.

Мое не было столь великодушным.

— Я желаю жить! Свободно и вечно!

Архиепископ упал в обморок. У Серы отвисла челюсть. Это была та часть, которую я опустил. И наконец, гневный рев толпы стал оглушительным.

Мой отец замер, его меч наполовину вышел из ножен. Он вовремя все понял. Сделать ничего нельзя. Убить меня было бы равносильно тому, чтобы осудить законность жертвоприношения. Я искажил правила, скомкал его наследие и швырнул ему в лицо, не дав никакого законного выхода.

Тогда я рассмеялся, долго и сильно, мой гогот почти заглушался хаосом. Я не останавливался, пока Сера не приставила свой меч к моему горлу. В комнате снова воцарилась тишина.

— Покинь это королевство. Ты недостоем его.

Я склонил перед ней голову и поспешил к выходу.

Я был уже на полпути к своим комнатам, когда услышал, как они начали скандировать ее имя, и, невзирая на это, улыбнулся.

Это на самом деле сработало.

У меня хватило наглости быть довольным собой. Это была чистая гордыня. Если бы я выглянул в окно в коридоре, то увидел бы тысячи теней, проносящихся по пустым улицам и спускающихся к самому замку.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2345829>